

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 18 (4143)

Четверг, 11 февраля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Прислушиваясь к голосу времени

РАЗГОВОР О НАШЕМ ОЧЕРКЕ

ВРЕМЯ ВЛАСТНО налагает свою печать на человека, на круг его интересов...

справедливо упрекает немолодого художника в непонимании сдвигов, которые происходят вокруг нас...

Василий ЗАХАРЧЕНКО добные течения. Пусть не обидится на меня Г. Радов, но его статья «Снисходительность не нужна»...

щих читателя до высот государственного ощущения значения науки, влудит открывает ему такие глубины мыслей...

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

10 февраля из Москвы в Индонезию отбыл Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев...

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

СПУСТЯ несколько дней после опубликования статьи А. Шарова («Литературная газета» от 17 декабря)...

занимающего самый высокий пост, которые, не будучи педагогами, поверили в дело, нашли возможность помочь интэрнату станками и приборами...

Люди любят жизнь!

НЕДАВНО в Советском Союзе находились индийские писатели Ходжа Ахмад Аббас и Али Сардар Джафри...

молвил мой собеседник. — Теперь я могу спокойно лечь спать. Этот был Джавахарлал Неру. Рассказчик умолк. Заговорил Джафри...

Писатели Индии

В тот раз не смог. Я сказал павшим бойцам Сталинграда: «Простите, ибо сейчас вас может прославить только песнь безмолвия, песнь без слов»...

КНИЖЕ — ЗЕЛЕНУЮ УЛИЦУ

В Союзе писателей СССР состоялась встреча секретаря правления Союза писателей СССР Г. Маркова...

Ленинград — Лонг-Бич

Лонг-Бич... Наверное, далеко не все ленинградцы знали до недавних пор о существовании в Калифорнии порта...

Ленинград — Лонг-Бич

Лонг-Бич... Наверное, далеко не все ленинградцы знали до недавних пор о существовании в Калифорнии порта...

В Центральном Комитете КПСС и Совете Министров СССР

Об увековечении памяти академика И. В. Курчатова

Учитывая выдающиеся заслуги академика И. В. Курчатова в развитии ядерной физики и в создании Института атомной энергии Академии наук СССР...

— Ну как Сталинград? — спросил он. — Сталинград победил. Советская Армия окружила фашистов. — Очень хорошо! — облегченно про-

Ленинград — Лонг-Бич

Лонг-Бич... Наверное, далеко не все ленинградцы знали до недавних пор о существовании в Калифорнии порта...

Ленинград — Лонг-Бич

Лонг-Бич... Наверное, далеко не все ленинградцы знали до недавних пор о существовании в Калифорнии порта...

Ленинград — Лонг-Бич

Лонг-Бич... Наверное, далеко не все ленинградцы знали до недавних пор о существовании в Калифорнии порта...

Ленинград — Лонг-Бич

Лонг-Бич... Наверное, далеко не все ленинградцы знали до недавних пор о существовании в Калифорнии порта...

Его имя — эпоха в науке

Памяти И. В. Курчатова

В эти дни горечи и боли, которые переживает наша наука, каждый из нас вспоминает все встречи — очень далекие и совсем недавние — с Игорем Васильевичем Курчатовым. Мы были знакомы на протяжении почти двух десятилетий. Но сколько бы раз я ни встречался с этим удивительным человеком, меня никогда не покидало то первое впечатление, которое я уловил с собой из Москвы в Уфу после нашего знакомства в грозные дни 1942 года.

Мы встретились в Доме ученых, и с первой минуты я почувствовал какую-то особую силу этого простого, отзывчивого человека. Он говорил о физике сегодняшнего дня и так проникновенно о завтрашнем дне, что я увидел в нем прорицателя. Он сразу очаровывал вас. И это человеческое совершенство чувствовалось с годами нашего знакомства все сильнее.

Три недели назад я слушал его на сессии Верховного Совета СССР. Вспомните, о чем говорил, к чему призывал Курчатова, когда поднялся на самую высокую трибуну мира.

Покоритель могущественных сил природы, он не хотел, чтобы от взрывов страшного оружия погибала жизнь. Он сказал, что атомники выполняли свой долг перед Родиной, наш народ может быть спокоен. И весь огромный зал, представлявший всю нашу страну, аплодировал ему, зная, что за этими словами — непобедимая сила, могущество нашего строя. К миру призывал депутат Игорь Курчатова в своей последней речи.

Мир — мечта всех честных, хороших, настоящих людей жила до последней минуты жизни в сердце Курчатова, полном любви к человеку.

В дни этой исторической сессии, принявшей Закон о новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР, я вместе с сибиряками-физиками был у Курчатова в его институте. Он рассказывал нам о своих плачах, работе. Прошлось со мной, сказал:

— Приеду к вам, в Сибирь, обязательно. Прилечу в гости в первый весенний день...

Среди пионеров науки об атомном ядре весь ученый мир называет имя академика Курчатова. Его заслуги в овладении этим новым могучим и неисчерпаемым источником энергии вызвали восхищение наших многочисленных друзей. Велика заслуга Игоря Васильевича Курчатова в развитии отечественной атомной науки. Труд его последних лет по управлению термоядерным реактором был грандиозным по замыслам и свершениям.

В моем сознании Курчатова и На-

ука — это синонимы. Этот колосс — я не могу произнести слово «был» — определяет целую эпоху в науке. Я знаю, что о Курчатове, человеке и ученом, будут написаны поэмы и повести. Пусть путеводной нитью поэта, писателям будут его слова на сессии Верховного Совета СССР, произнесенные ясным, молодым, полным жизни голосом:

«Я счастливы, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке великой Страны Советов. Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ, наше правительство только благо человечества отдадут достижения этой науки».

Мы, его современники, будем свидетелями свершения этой мечты человечества.

Академик Михаил ЛАВРЕНТЬЕВ
новосибирск

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ

«ГЕРОИ, КТО ОНИ?»

Героическая оборона Аджимушкайской каменоломни под Керчью — одна из самых сильных, но, к сожалению, малоизвестных страниц Великой Отечественной войны. Очерк Л. Ющенко и В. Биршера «Герои, кто они?» («Литературная газета» от 3 октября 1959 г.) рассказывал о неисследованных подвесах Аджимушкай, где до сих пор находятся останки многих участников боев 1941—1942 гг. документы и предметы, представляющие огромную ценность для истории второй мировой войны.

Керченский историко-археологический музей сообщил на днях редакции, что для исследования каменоломни создана комиссия. К концу февраля года она закончит розыск документов и предметов, сохранившихся в подземелье. Найденные первые документы, в частности списки радиопроцентов, которые для уточнения фамилий переданы в Министерство обороны СССР. Эти исследования помогут установить имена участников беспримерной Аджимушкайской обороны, вышедших многомесячную подземную осаду в оккупированном гитлеровцами Крыму.

(Южнонаше)

Начало на 1-й стр.)

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

это обязательно будет! Нет такой правды, которая не восторжествовала бы! Честь. Победа.

В-я отряд Ленинградского школьного интерната № 2 (10 подписей)

Так думают, тревожась за судьбу 2-го ленинградского интерната, различные люди. — а мы привели лишь незначительную часть откликов!

Однако среди всех писем, которые получили редакция, резко выделяется одно, подписанное новым директором школы-интерната № 2 А. Обленовым, секретарем парторганизации Р. Лукьяновой, председателем местного комитета Ф. Чайкиной и председателем родительского комитета О. Глушковой.

В пространном этом письме говорится:

«Он (А. Шаров. — Прим. ред.) считает, что система, которую пытались внедрить в школе-интернате № 2 от которой теперь коллектив отказался, была система А. С. Макаренко. Только полное незнание учения А. С. Макаренко и весьма поверхностное

знакомство с жизнью школы-интерната № 2 могло послужить основой для такого утверждения».

Так ли это? Прежде всего, если уж быть последовательным, то «в полном незнании учения А. С. Макаренко и весьма поверхностном знакомстве с интернатом» надо обвинять многие и многие печатные органы, на страницах которых вот уже в продолжение трех лет рассказывается об интересном и почетном опыте 2-го интерната. Ему посвящали статьи «Учительская газета» и «Советская Россия», «Советская педагогика» и «Народное образование».

Вот, например, что говорилось в журнале «Советская педагогика».

«В школе-интернате № 2 Ленинграда в течение года в основном сформировался крепкий детский коллектив, принимающий самое активное участие во всей жизни школы. Совет коллектива играет важную роль в учебной и внеклассной деятельности».

А в акте обследования школы-интерната исполкомом Московского района Ленинграда прямо говорится:

«Педагогический коллектив творчески и постоянно использует наследие А. С. Макаренко в своей практической работе».

Таково мнение общественности. В свете этих фактов явное недоумение вызывает попытка нового директора и его соавторов перечеркнуть опорочить все прошлое интерната и, в частности, объявить разновозрастные отряды несостоятельной затеей.

Они пишут:

«Опыт организации разновозрастных отрядов был осуществлен в школе-интернате № 2. Но в первый же момент была допущена принципиальная ошибка, было допущено отступление от учения А. С. Макаренко. Школа-интернат была открыта 1 сентября 1956 года, а 20 февраля 1957 года были созданы разновозрастные отряды».

В данном случае речь как будто идет о слишком послушной организации таких отрядов. Но ниже авторы письма высказываются определеннее, относят разновозрастные отряды к форме отжившей.

Как же квалифицировали эту «ошибку» общественность и органы просвещения?

«Ленинградская школа-интернат № 2, — читаем мы в сентябре 1958 года в «Советской России», — единственная в городе, где существуют разновозрастные отряды: в каждом мальчик и девочки с первого по девятый класс. Старшие ребята следят за успеваемостью малышей, их опрятностью, поведением, отношением к товарищам и труду. Формирует характер маленького человека формирует коллектив».

...Хотя интернат существует не так давно, он уже имеет свои традиции. За плечами дружного коллектива школы немало интересных дел... Двухлетний опыт работы ленинградского школьного интерната № 2 показывает, что педагогический коллектив на правильном пути».

К. МИХАЙЛОВ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЖУРНАЛЫ НАЧАЛИ ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И.. ГОРЕСТИ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

ЭТО ДЕЛО ЖИВОЕ

А инспектора районного и городского отделов народного образования записали в акте следующее:

«Организация разновозрастных отрядов помогла педагогическому коллективу улучшить дисциплину, повысить ответственность, укрепить дружбу и шефство старших над младшими».

Кажется, достаточно. Если бы речь шла о вопросах восторженности, не принципиальных, может быть, и не стоило приводить так много цитат, до называть очевидные вещи. Но в то-то и дело, что разговор идет о главном — о принципиальных путях развития школ-интернатов, о праве на яркую творческую педагогику, о борьбе с формализмом в воспитательной работе, о действительно претворении в жизнь педагогических идей А. Макаренко!

Как можно не спорить, когда новые руководители интерната заявляют буквально следующее:

«Нельзя недооценивать учение А. С. Макаренко в условиях определенного исторического периода. Но наша эпоха поставила перед нами новые задачи, которые заключаются в том, чтобы воспитать человека новой психологии, для которого труд будет потребностью, который должен обладать моральными чертами коммуниста».

Сейчас противники макаренковской педагогической теории не выступают открыто. Окружая систему Макаренко всеяческим славословием, они пытаются ограничить значение ее только прошлым — 20-ми и 30-ми годами, передать эту систему в ведение историков и похоронить в архивной пыли.

Так же поступают и тов. Обленов, и другие авторы письма. Макаренковская школа была пригодна лишь для «определенного исторического периода», утверждают они. «Мы полагаем... что формы создания коллектива в условиях работы школы-интерната, несомненно, могут и должны быть другие, тем, которые использовал А. С. Макаренко», — говорится в письме. Значит, дело не в том, что статья «Не спорничать с трудными дорогами» неверно трактует идеи Макаренко, а в том, что сами эти идеи представляются авторам письма устаревшими.

Когда-то ученики Макаренко писали противникам Коммуны имени Дзержинского: «Коммунистический коллектив, описанный в книге «Флаги на башнях», существовал; будут еще более совершенные коллективы, и они бессмертны». Коммуны, созданные Макаренко, Лепешинским и другими замечательными педагогами-ленинцами, целиком были устремлены в будущее. Теперь это будущее осуществляется. Вместо одной Коммуны Дзержинского партия создает сотни интернатов — «бессмертных коммунистических коллективов».

Строить интернаты легче потому, что Коммуна Дзержинского была коммунистическим островком в стране, сражающейся за социализм, а нынешние интернаты — часть возникающего коммунистического общества; они опираются на всю великую мощь его. Строить интернаты легче, но путь остается прежним: путь создания школы трудовой, имеющей сильное самоуправление и воспитывающей высокую коммунистическую гражданственность, всей мощью самостоятельного коллектива педагогов и учащихся.

Это и говорилось в статье А. Шарова, помещенной в «Литературной газете», и читатель в многочисленных письмах горячо поддерживал ее: «Советы командиров, разновозрастные отряды, «шефы» — эти созданные Макаренко формы коллектива, где старшие воспитываются в чувстве высокой гражданской и человеческой ответственности за младших, не устареют и не могут устареть. Летняя база на острове — не пугающая экзотика, а попытка еще больше закалить коллектив, поставив его в условия почти полной самостоятельности. И если в этих трудных поисках коллектив иной раз оступался, так разумно ли превеличивать отдельные неудачи, не видеть за деревьями леса и объявлять несостоятельным интересней и ценнейший опыт работы интерната № 2».

Иди ли макаренковским трудным путем или откажись от него — вот как стоит вопрос, и на него нужно отвечать прямо.

Уроки труда, — конечно, хорошее дело. Можно научиться столярному делу, освоить металлообработку станком. А вот где научиться готовить обед, мыть посуду и т. д.? Ведь без этих знаний тоже не обиделся в жизни. Вот эти прикладные одной из столичных школ нашли выход: они с удовольствием дежурят сегодня в буфете.

дереви было бы неверно. В его стихах грань между деревней и городом как бы стирается и общая поэтическая тема звучит широко, не утрачивая конкретности видения и изображения. Это свойственно нашему времени.

Читая книгу Ф. Халваши, чувствуешь, что он обладает остро развитой любознательностью, что жажда новых знаний и пылкость помогают двигаться в современности старается охватить самый широкий круг явлений. «Но жизнь так удивительно богата хорошим, и плохим, и непонятным...» — восклицает он в поэме «Палч лоуэ». Значит, надо действительно надо смело идти познавать жизнь, а для этого не годится «путь, который протоптан и легче».

Белый снег люблю, неприглядный на круизине, и приметный след, остающийся за спиной. Человек по нему пройдет, неизвестный мне.

И пожмет мне руку, сойдясь у костра со мною.

Вот как представляется Ф. Халваши единственное верное дорога поэта. Прочитавшее стихотворение «формулы» по своей сути. Однако поэзия — не только оруд

«В БОЛЬШУЮ РАЗВЕДКУ»

ОБСУЖДАЕМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВЫДВИНУТЫЕ НА СОСКИСКИЕ ЛЕНИНСКИЕ ПРЕМИИ

ПЕРВАЯ книга Ярослава Смелякова называлась программно: «Работа и любовь». Та же упрямая программность, часто выражаемая еще неуемло, пронизывала все стихи книжки. Их автор, совсем молодой поэт, которого поэзия не только не оторвала от стана, но и помогла познать всю гордую весомость званья «рабочий», поочередно заклеивался опущенными новизны окружающего миром ощущениями, что и сами о нем — человек, непохожий на прежних, лучше и сильнее их! Ему ничего не стоило в полуступенчатом стихотворении «перековать» вора, залезшего ночью в его пустую комнату, — «перековать» в два счета, весело растолковав ему зачатки пятлетки. Он и с любимой, украденной у него мешанным бытом, говорил от имени чужь для не всего рабочего класса.

Подобрав, продолжают путь. Дорожный эпизод, одно из тех маленьких жизненных событий, что делают человека — хоть и не сразу, и не намного — лучше и лучше. И все-таки мы больше, чем этим трогательным девочкам, благодарны поэту, умеющему вот так видеть, быть таким внимательным и нежным. Это нежность, по которой мы сразу признали автора «Хорошей девочки Инды».

А вот иное стихотворение — «историческое» — «Петр и Алексей»:

День — в чертогах, а год — в дорогах. По-мужиковому широка, а пощелуха, в слезах, в ожогах императорская рука.

Образ Петра величествен, как фальконетовский монумент. Поэт будто бы смотрит на него снизу, от подножия пьедестала. И мы не спешим узнавать Смелякова с первых строк, — пока не увидим, как проглянуло что-то очень человеческое в непреклонном самодержавии, как сияло сердце царя, от правящегого на плаху сына-предателя.

Это все-таки в нем, до муки, через чреда моей жизни, и умеска моя и руки неумело повторены.

Этим неожиданным «все-таки», этим «неумело», вобравшим горестную обиду за сына-выродка, прорвалось человеческое, отцовское — и живая складка выбежала на бронзовое чело, и ожили высека слова, и мы поверили поэту и узнали его!..

Едва бросив взгляд на два очень разных стихотворения Смелякова, мы уже явственно различаем одно из основных свойств его поэзии — высокую и проникновенную человечность. Она встретит нас и во многих других его стихах, но все же мы не получим ясного и полного представления о лирическом герое поэта, пока не обратимся к основным вещам «Разговора о главном» — к стихам о рабочих, близких Смелякову с юношества.

Как и четверть века назад, поэта больше всего притягивает рабочая молодежь. Он пылито и тревожно приглядывается к этим ребятам: берегли ли вы наш огонь? Не стали ли спойкой-не? Чем отличаетесь от друзей моей молодости? Он жаждо ловит черты сходства этих, еще не знакомых, с теми, далекими:

Как будто в большую разведку, в мерцание грядущего дня, к ребятам шестой пятлетки являлка послала меня, как будто отважным народом, что трудно и весело жил, из песен тридцатого года, а к ним делегирован был.

...Не то чтобы разницы нету, но в самом большом мы средни, и главные наши приметы у двух поколений одни.

Может быть, нет болей похвалы для нашей молодежи у человека, так доверяющего героической юности своего поколения. И ему очень радостно, когда он находит — одну за другой — все новые черты сходства, большие и маленькие, в стихах о рабочих, близких Смелякову с юношества.

РАЗВЕДКУ»

малые. Оно, это сходство, увидено и в слове гражданской войны «Даешь!», который идет на комсомольском вагоне, и в зачинателя бригад коммунистического труда, проложивших дело, что было начало ленинским суботникам (стихотворение «Продолжатели»). И в напоминающем юных сверстников Смелякова пареньке, который едет на Ангару — без путевки и без билета, на крыше вагона:

И снова на железной койке дышал осадками тепла. Его на север жаждла стройки, как одержимого, влекла

...Конечно, дело не в том, каким производственным трудом занимается герой, а в том, какие душевные приметы его определяют, что в нем привлекает поэта. А эти приметы — то, что делает человека «союзу земли»: честное отношение к людям и к долгу, цельный и ясный взгляд на мир, душевная бесхитрость, неспясаемое трудолюбие и жизнелюбие.

Это и есть главное для поэта. И потому, что это главное Смеляков наиболее полно видит у людей рабочего класса, у тех, кому эти качества присущи по самой их природе, у тех, кто ему издавна близок, — по этим причинам он и обратился вновь к ним.

ЭТО, ТАК СКАЗАТЬ, внутренняя, органичная причастность автора, которую невозможно подменить внешней, декларативной причастностью. И все же такая попытка сделана даже в этой книге.

Вот стихи «Столовая на окраине». Они примечательны крепкими деталями и зарисовками:

Люблю рабочие столовые, весь их бесхитрый уют, где руки сильные неуютно из пиджака или спецовки рубли и трешки достают.

...Сюда войдет походкой спорой, самим собой горячая в душе, в таком костюмчике, который под стать любому аташе,

в унтах, повернутых как запор, с румянцем крупным про запор, рабочий парень из бригады, что всюду славится сейчас.

И все скреплено такой концовкой:

Здесь все открыто и понятно, здесь все отмечено трудом, мне все близко и все приятно, и все лишнее за столом.

Это вовсе не худшие в книге и вообще не плохие стихи; они ладно скроены и крепко сшиты — и вот потому яснее, чем очевидная неудача, показывают, как лирический герой Смелякова, общавшийся с комсомольцами 50-х годов, как с добрыми старыми друзьями, вдруг вынужден представляться, знакомиться, вдруг оказывается следящим за ними со стороны — хотя бы и с заинтересованной стороны. Он — буднично, ненароком зашедший в общество этих очень симпатичных ему людей: он любит их, как чем-то непривычным, малознакомым: он примечает и поэтизирует мимолетные детали их поведения, их манеру одеваться и держать ложку, но примечает и любит, как не пришло бы в голову человеку своему, привычному. Поэтому получилось, что деталь зашла собственной жизнью, превалила свои права, и пондобилась декларация — справедливая, а все же декларация.

Что ж, может быть, ощущение того, что он желанный, званый гость у своих героев, было бы лестным для иного поэта. Для Смелякова этого мало.

К СЧАСТЬЮ, в книге «Разговор о главном» — немало стихов, где ясная поэтическая мысль не заглушается ни подробностями ни декларацией. Она органично возникает в неброских, сдержанных и в нежности, и в гневе строках поэта и рождает та-

кие отличные стихотворения как «Признание», «Переулочек», «Нарман», «Трактор», «В Вудапеште», «Зимняя ночь» и, наконец, искреннее стихотворение «Первая полтуха».

В нем поэт вспоминает, как он «с лицом нахмуренным безразличным» нес домой первые заработанные червонцы:

С тех пор не раз — уж так случилось, тут вроде нечего скрывать — мне в разных кассах приходилось за песни деньги получать.

Я их писал не то чтоб кровью, но все же времени черты изображал без суесловья и без дешевой суевы.

Так почему же нету снова в день гонора моего не только счастья заводского, но и достоинства того?

Как будто занят пустяками средь дел суровых и больших, и вроде стыдно жить стихами, и жить уже нельзя без них.

В этих 16 строках сказано немало. В них и смеляковская нежность к фразе («я их писал не то чтоб кровью»), и почти застенчивое признание в любви к поэзии; и мысль о том, как много надо сделать поэту, чтоб быть достойным людей труда, чтоб испытать, подобно им, твердое ощущение собственной нужности; и — что, может быть, основное — большая творческая неуспокоенность, суровая, почти жестокая требовательность к себе.

А в поэзии, в отличие от других более спокойных профессий, такое беспокойство, такая постоянная тревога — явление вполне нормальное. Более того, необходимое. И мы можем твердо надеяться, что Ярослав Смеляков — на пути к новым победам, может быть, большим. Разговор о главном продолжается.

Ст. РАССАДИН

Писатели Индии

Имя Санта Сингха Секхона (рис. слева), пишущего на пенджабском языке, хорошо известно у него на родине. Последний раз мы виделись с ним в Ташкенте во время работы Конференции писателей стран Азии и Африки.

Глубокий гуманизм и тонкое психологическое раскрытие образов в лучших рассказах Кришана Чандара, таких, как «Налу Бханчи», «Вера», его нежность и война, сострадание к человеку — все это было нашло свое отражение в его бесконечно усталых, внимательных глазах.

ЗЕМЛЯ БРАТЬЕВ

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

НА ПОВОРОТЕ поезда слетка задела ход. По Единой улице, должно быть, последняя возможность...

Собрав все снаги, он прыгнул. Лежал, привалившись к сырой, холодной земле, боясь поднять голову. По железнодорожному полотну метнулась тень. Еще один! Мучительно долго идет молоток длинный دستа. Наконец просветлела последняя августовская искора сигареты в зубах беглеца.

Дрожание, ослабевшие беглецы поднимались. Представились по именам: Николай, Иван Поддеревья друг друга, спотыкаясь, двинулись в путь. Крутом — путающаяся, полная опасностей, неизвестная земля. Значок догора, опустившись назад. Ночь окутала.

Доминикас и его жена хорошо знают, чем грозит им это гостеприимство. Крутом гитаристом, полицейские литовские фашисты — «белополоснички». За помощью не приходят и двоих детей. Известно это и беглецам. Они благодарят за помощь, собираются уходить, но Годунаускас не пускают.

Отдохните, переночуйте, — просит хозяйка и ведет гостей в отдельную каморку. Из дома друзей Николай и Иван выходят с надеждой. Бродят по окресткам. Соседей, стучащихся в дверь, слышат, но не идут к ним. Крестьяне дают хлеб, сажают за стол к чашке супа. Старик Тамашаускас ведет в свое баню. Неудачно живут у Годунаускаса: он помогает рыть в лесу землянку. Беглецы готовят зимовку. Но на их следы нападают.

Вновь блуждая от утробы к утробе. Нужно опасаться не только немцев и полицейских, но и кулаков: кулак Алнискас, например, вместе с живущими у него «на хозяйстве» предателем — добровольно сдавшимся в немецкий плен Гришкой — не прочь заманить и выдать русских солдат оккупационным властям. За беглецы решают расстрелять: поинтереснее легче прятаться в Ивано-Польской области уходит Иван Аркаров, бухгалтер из другой район. В дальнейших скитаниях Николай Кочнев пускается один.

Иди в деревню «Королей», там живут хорошие люди, — советует лесничка, однажды спрятавшая его.

Деревня «Королей» выглядела совсем не по-королевски. Жители — сплошь бедняки. Не жаловались достатком и прежде, а в годы оккупации перебивались с большим трудом. Но «королевских» крестьян отличала особая товарищеская, братская солидарность, крепкая взаимопомощь трудящихся людей. Здесь ненавидели оккупантов, зло издевались над немцами прихлебателями, твердо верили в Советскую власть. Верили и ждали. Поэтому готовы были поделяться последним со своим человеком — русским солдатом. В доме старика Игнатаса Розгиса, его дочери Явигиты и зятя Пранаса Дамкиса Николай нашел надежный приют, любовь и заботу. «Живи у нас, — скажало они, — хлеба до весны хватит, а мясо разделим всем по кусочку». Близкими друзьями Николая стали также старик Пранас Дашпас и его жена — тетя Людвина. Она ходила за ним, как мать, лечила деревенскими средствами опухшие в лагеря ноги, выжила от болезни.

Николай освоился в деревне, познакомился с соседями. Чем могли помогали ему Пранас Микшонас, старик Митревичус, семья Стасиса и Пранаса Даунишис и Якубаускас, Казимир Рупишис с женой. Часто, собравшись вместе, они обсуждали положение на фронтах, говорили о Москве, о «Советах».

А советские войска подошли все ближе. С волеванием смотрели крестьяне вслед пролетающим на запад краснознаменным бомбардировщикам. Однажды Казимир Рупишис передал Николаю старую немецкую карabin. Митревичус, молодой Микшонас и Дамкис раздобыли пат-

роны. И вот великий день наступил: нежданно-негаданно начался бой. Немцы упорно сопротивлялись. Зайдя в тыл немцам отрядом, Николай убил нескольких гитлеровцев.

Советские бойцы заняли деревню. Николай распрощался со своими друзьями, навеки родными, близкими людьми. Он вновь вступил в ряды действующей армии и вместе с ней пошел дальше, на запад, влатью до Победы.

В дни Третьего съезда писателей СССР поэт Вацис Реймерис познакомился с фоторепортером Николаем Георгиевичем Кочевым, который и рассказал, как в страстные годы немецкой оккупации литовские крестьяне «всем миром», «всем народом» — русским солдатом. В доме старика Игнатаса Розгиса, его дочери Явигиты и зятя Пранаса Дамкиса Николай нашел надежный приют, любовь и заботу. «Живи у нас, — скажало они, — хлеба до весны хватит, а мясо разделим всем по кусочку». Близкими друзьями Николая стали также старик Пранас Дашпас и его жена — тетя Людвина. Она ходила за ним, как мать, лечила деревенскими средствами опухшие в лагеря ноги, выжила от болезни.

Многих героев повести ныне нет в живых: умерли Розгис, Дамкис и Пранас Дашпас; старик Митревичус, жена и жена Якубаускас убили буржуазно-националистические бандиты. В местечке Крупой Акмякского района живет семидесятитретья Людвина Дашпасе. Кочев и сейчас звывает ее матерью, регулярно посылает деньги. «Дорогой мой сынок, ты для меня самый хороший», — отвечает она. — «Какое счастье, что такие, как ты, разбавили фашизм и теперь можете составлять жизнь». Дашпасе и ее односельчане удивились бы, скажи им, что, рискуя жизнью ради спасения русского солдата, они поступали доблестно и благородно. Ведь они действовали, как подкавывало сердце. Сердце хороших людей, советских граждан. И их скромный подвиг не может быть забыт.

РЕПЛИКИ «ГОСПОДИ, ПРАВЕДНЫЙ БОЖЕ...»

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «Советский писатель» в 43-м году реплицировал поэт и предложил выпустить сборник его стихов. Произведения эти глубоко возмущали сотрудников издательства. Вот поэт пишет о масле. И как пишет! Заходите, гости, посидите. Ешьте, пейте с толком, не спешите. Веселитесь, гости, как умеет. Веселитесь русская душа. Я живу не где-то, а в России, поза. Он принимает в каждом удобном случае. Потому в веселье шед и прост, Вот он говорит: «Сам я опусканко на колени...», а вот пишет о герое другого стихотворения: «...На колени стал. Перед домком в три окна...». Итак, читатель получил предметный урок на тему «Поэт Л. Топчий и современность». Мама, не верю я в бога, Но за тебя помолюсь. Знаю, что ты мне — В самые трудные дни. Господи, праведный боже, Матери жизни сохрани. Сборник называется «Грядущий день».

Но прошу вас, гости дорогие, Не забыть меня в великий пост. Особанно покоряет в стихах современность тем и образом: Когда надо мною поставят крест, Когда сквозь меня прорастет трава. И неба глыба синева Будет сиять над мной окрест... Коленапреклонение — на более милая его сердцу. Россия, поза. Он принимает в каждом удобном случае. Потому в веселье шед и прост, Вот он говорит: «Сам я опусканко на колени...», а вот пишет о герое другого стихотворения: «...На колени стал. Перед домком в три окна...». Итак, читатель получил предметный урок на тему «Поэт Л. Топчий и современность». Мама, не верю я в бога, Но за тебя помолюсь. Знаю, что ты мне — В самые трудные дни. Господи, праведный боже, Матери жизни сохрани. Сборник называется «Грядущий день».

Наиболее значительной и удавшейся представляется работа писателя над образом Ермана. Немного численны достоверные сведения о нем. Люди гораздо лучше знают его дело, трагическую гибель его, чем характер этого человека. Поэтому образ Ермана во многом зависел от исторического чувства автора, от его прозорливости и фантазии. Вдумчивый, казавшийся медлительный, но зато страстный, порой жестокий, но более всего влюбленный в свой талант — таин предстает Ерман в романе В. Сафонова.

И в такой вот час и возникает светлое желание стать ученым или лодчим мудрым и суровым, чтобы все, что видишь, все, что понял, от себя народу передать. К. Некрасова презирает руки неженки, кисти которых геряют от безделья «черты разумные». Простая метельница ближе и дороже ей «проходчицы» с надменными лицами и бесчувственными глазами. Такие стихи — маленькие ясные гимны великим делам людским.

ДОБРЫЕ СТИХИ

Зимой 1958 года умерла поэтесса Ксения Некрасова. После нее остались две тоненькие тетради стихов. Эти стихи мало известны массово и у читателя, но всем своим суцес в о м устремлены к нему, к жизни, к Родине.

Необычными до невероятности, порой просто хаотическими могут показаться не особенно внимательным читателем эти стихи. Нет в них «законного», четкого ритма. Рифмы появляются изредка, точностью и оригинальностью не отличаются. Образы расползаются будто не планомерно, а как пестрые лоскуты на одежде. Но вчитываясь в стихи Некрасовой, привыкая к их звучанию, строению и краскам, видишь, что дело обстоит далеко не так, как может показаться на первый взгляд.

Мои стихи... Они добры и к травам. Они хотят хорошего дома. И кланяются первыми при встрече с людьми рабочими. Доброта доброте рознь. Можно стать добрым от умозрительного умиленья перед величьем дел человеческих. Сквозно таких людей прошли мимо читателя, не задев его сердца! Ксения Некрасова — всегда вместе с людьми. Она уверена в том, что «ведлеление аорь достается рабочим», славит труд умельцев, мастеров, мастеров работ, лесорубов, всех тех, кто идет по жизни, «одаря встречных-поперечных жемчугами русской речи от щедрот немеряной души». Простая рабочая девушка протирает влажной тряпкой мраморную вазу, на которой высечены узоры трав, и всем сердцем ощущает «единение жизни и искусства».

Ой какие тайны исцеляя в себе скрывают русские поляны. — что, прикоснувшись к ним одждим, ты примешь меч за них, и примешь смерть, и вновь встанешь, чтоб запечатлеть тропинки эти, и леса, и наше небо. Поэт раздвигает рамки ямбов и хорея, обновляет старые ритмы. Обновленные ритмы непосредственно вливаются в стихи, богатые вполне закономерным и мелодичным внутренним звучанием, затанной, но волнующей нас музыкой слова. Это — не заунывные стихотворные описания, не желание стать в то бы то ни стало непохожим на других, а своя правда, своя речь. Каждое сравнение, каждая метафора, которыми так изобилуют стихи поэта, работают на его мысль, служат ему. Небеса поэт сравнивает с артельной чашкой, ароз — с вечерним солнцем.

Букет дубов стоит «на зеленом столе» баштана, убитая лиса висит, «как лоскут осени», на плечах охотника. К. Некрасова, мягкий лирик по природе, умеет клеить резкими словами:

Вот, с киною в руках, на пьедестале каменный монах, и руки, словно клювом хищной птицы, терзает вечные странники, высасывая ересь из листов.

Здесь поэт начинает работать как портретист, создает отшатнувшийся образ святыни с губами слоистою. Издательство «Советский писатель» сделало большое и доброе дело, выпустив две книги поэта.

Ксения Некрасова умерла. Но в нашей памяти сохранятся солнечные стихи о современнике, лице которого, «бурею битое, грозю митое, жаждою ослепленное», все же «походит на расцвет».

И предо мной предстал народ, рожденный в ярости метелей и от младенческих мгновений и до белеющих седин живущий чуткой красотой, ее ступеню водою омыт и всплеск испокон. Храните родину мою! Ее снег не отвергает, ее безрез не забывают!

Стихи русского поэта, скромный памятник его короткой трудовой жизни, остаются жить на свете, найдут своего читателя сегодня, завтра.

Федор ФОЛОМИН

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В 1955 году Ленинградский академический театр драмы имени А. С. Пушкина поставил пьесу В. Вишневского «Оптимистическая трагедия». За этот спектакль постановщик Г. Товстоногов и исполнители роли Вожана лауреатов Ленинской премии. Недавно в Ленинграде вышла книга «Поэзия жизни» Г. Капранова. В ней рассказывается, что первоначальный замысел — написать только о спек-

такле «Оптимистическая трагедия» — в процессе создания книги изменился. Работая над материалом, автор пришел к выводу, что рассказ об этом замечательном сценическом произведении будет неполным без анализа тех творческих путей, которые привели к такой значительной победе. Вот почему в издательском листе появились «Очерки творчества лауреатов Ленинской премии Г. А. Товстоногова и Ю. В. Толубеева», а сама книга разделилась на три самостоятельные главы.

Всего тридцать страниц небольшого формата отведено характеристике творческих принципов режиссера Г. Товстоногова, анализу поставленных им спектаклей. Естественно поэтому, что о многих работах автор говорит лаконично, дает им только общие оценки. Впрочем, такие ли они общие? Автор тщательно «спрессовал» свои мысли так, чтобы уместились они на одной страничке, а если очень нужно — и в одном абзаце. Некоторые из этих миниатюрных рецензий — к примеру, о спектаклях «Дорогой бесмертвья», «Лиса и виноград», «Идиот» — написаны точными, емкими словами, дают вполне определенное представление о сценических произведениях.

Так же убедительно рассказывает автор книги о художнике-единице Г. Товстоногова Ю. Толубееве. Здесь тоже не простой пересказ сценической биографии артиста, а умный и точный анализ тех работ, которые как бы подготовили его участие в спектакле «Оптимистическая трагедия».

Читая книгу, как бы совершаешь вместе с Г. Капрановым увлекательное путешествие по страницам жизни двух выдающихся мастеров сцены, чтобы вместе с ним прийти в последней главе — в зрительный зал Академического театра драмы имени Пушкина. Вот он — спектакль, где так закономерно встретились два больших художника.

Глава, посвященная непосредственно «Оптимистической трагедии», написана выдающимся искусствоведом и одаренным журналистом. Иаль только, что автор порой отпадает дань ложной популяризации, вставляя в свою работу общепринятые, не раз уже повторенные в статьях и книгах истины.

О том, что теория театра отстает от его практики, что непостыпное мало издается у нас книг об актерах, режиссерах, театрах или просто об отдельных спектаклях, говорится на всяком рода совещаниях часто и страстно. Между тем сам по себе выход новой

книги по театру все еще остается редким событием. Появление книги Г. Капранова «Поэзия жизни» радует не только современников. О большом явлении советского театра рассказано и серьезно, и увлекательно.

Г. КОЖУХОВА

НА УЛИЦАХ ИСТОРИИ

Ива Фаржа порой упрекали: зачем он, художник, оставил кисть ради общественной борьбы? Он отвечал, что защищает искусство. Художник и политик — это сочетание кажется неестественным многим на Западе. Но Фаржа верил, что политика, как и живопись, должна быть делом «людей чистых».

Душевной чистоты, бескорыстия Фаржа не отрицали и люди, расхопившиеся с ним во взглядах. Необычайное «Избранное» художника (снова вошли и репродукции его картин, и рассказы, и публицистические работы) позволяет ощутить его нравственную силу. О цельности его облика пишет Илья Эренбург во вступительной статье.

Фаржа никогда не изменял тем началам, которые принял в молодости. В 1932 году он поддержал советское предложение о всеобщем разоружении; тогда же он написал слова, которые стали для него девизом на всю жизнь: «Продолжать бороться за мир, бороться без устали, добывая то, что новый образ мысли убедил правительству, чтобы они не могли больше рассчитывать на народы для новых побед».

Фредерик Юджио-Кюри отказался о Фарже как о подлинно французском характере. «Слова Справедливости, Свобода, Равенство. Братство заставляли биться его сердце, как они заставляли биться сердца людей 92 года».

Фаржу было чудно либеральное красноречие; ему было отвратительно злоупотребление словом его словом Свобода. В рассказе «Чудо педагогика» он издается над ложкой «свободного мира»: «Когда полинейзийцы захотят избавиться от своих хозяев, которые принесли им лишь голод, алкоголизм и болезни, надо будет сделать так, чтобы мы были вполне серьезно заявить: полинейзийцы вторглись в Полинезию».

Лозунги Великой Французской революции сохранили для Фаржа плебейский оттенок. Он признается: «...Я всегда любил улицу, я всегда был на улице».

когда народ выкинул свою радость или свое возмущение. Я люблю улицу, как можно любить историю Франции.

Улица — это для Фаржа символ простых людей. В одном из его рассказов некий буржуазный политик, «господин президент», мечтает о «молчаливо благоговоспитанной улице, об улице покорной и снисходительной... Вот когда можно было бы сполно и величественно прошествовать по ней в котеле с орденской лентой в петлице!» Фарж смеется над этими мечтами, не те времена: покорная улица — в нашем веке?

Мысли президента не так уж далеки от слов того наглеца, который в июне 1940-го приветствовал немецкую мотодивизию в Лионе: «Наконец-то французы узнают, что такое порядок». Фарж дал ему пощечину.

Фарж прожил боевую жизнь. Но он оставался человеком мира — веселым, живым, простосердечным. Илья Эренбург прекрасно сказал о его любви к родному Провансу — «к сербистым маслинам и густо-голубому небу, к мягким, лениво прикрунувшим холмам, к платанам, голубым виноградникам, беленым домикам». Фарж оставил чарующие пейзажи. Когда читаешь его рассказы, дивишься, как разнообразен был его поэтический мир.

Но и в искусстве Фарж сохранял темперамент бойца. Совсем молодым человеком он противопоставил «чисто интеллектуальные построения» кривоному «сиянию негодности», которое дошло излучать подлинное искусство. Фарж говорил о любимом своем мастере — Джотто: «Он не был заключен в башню из словной кости. Он естественно принял контроль народа, самым глубоким наблюдателем которого оставался».

Глубокий наблюдатель народа — эти слова можно отнести и к самому Фаржу. Часть его рассказов посвящена Провансу: периоду оккупации и Сопротивления. Фарж пишет и о тех, кто погиб в неравном бою, и о заочнике, который бежит из Лиона в зону опасности. Но всего интереснее его рассказы о простых людях — урюгих, часто неласковых; они не способны и пресмыкательству и риску головы, протестуют против режима Виши. Таким людям Фарж посвящает свое творчество, для них он жил.

М. ЛАНДОР

